

Кристина Камаева

Неосторожным в пути

рассказы

16+

Кристина Камаева

**Неосторожным в пути.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Камаева К.

Неосторожным в пути. Сборник рассказов / К. Камаева —
«ЛитРес: Самиздат», 2012

Привычки опутывают человека, повседневные дела затягивают. Рутинная жизнь начинает казаться стабильностью. И когда сказка врывается в отлаженную жизнь и сметает быт, заставляет сердце биться, как колокол, а чувства сверкать подобно бриллианту, многие пасуют, открестьяваясь от чудес. Но забыть острые моменты бытия на грани реальности и волшебства они не смогут никогда.

Содержание

Инсар, Медок и Царевна	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Инсар, Медок и Царевна

С самого утра у меня было нерабочее настроение: я скучал по Медку. Заставка на компе притягивала взгляд. На ней мы с Медком гуляем в парке. Она идет по бордюру, а я поддерживаю ее под руку. Она такая радостная, летящая, в коротком абрикосовом пальто. Черные волосы, почти такой же длины, как пальто, лежат блестящими волнами. Медок смуглая, яркая, в руке у нее букет мимоз. Я шагаю рядом, уверенный и довольный, любой поймет по моему взгляду, что я влюблен.

Мы не расставались с тех пор, как я пришел работать в "Изумрудный город": два с половиной года. Это она придумала мне прозвище, и, вслед за ней, все стали звать меня Инсаром, а настоящее имя, Виталий, никто уже не помнит.

Три месяца назад Медок уехала в Грецию. Для меня это было, как пожар на празднике. Я, конечно, знал, что по паспорту она Медея Ипсиланти, любил ее экзотическое имя и восточную страстность. И вдруг в Греции у нее обнаружился дядя Аргирис и еще куча родственников, троюродных братьев и тетушек – седьмая вода на киселе. Она сама хохотала, когда рассказывала о них, однако, полетела знакомиться. Медок планировала провести отпуск на Кикладах и вернуться.

Получив от нее первые фотографии заморских пляжей, роскошных вилл, яхт и застолий, весь офис заныл от тоски по привольной жизни в южном климате. Медее завидовали.

Я не сомневался, что она вернется, а если и останется, то обязательно позовет меня в Грецию. Иначе и быть не могло. Мы звонили друг другу и говорили часами, писали горячие письма и слали открытки с ангелами и сердцами. Интернет стал близким другом. Она рассказывала мне о своих приключениях, я проводил вечера, рассматривая ее фотографии, и всем своим существом стремился к ней.

Вот и сейчас рука потянулась к оранжевой флэшке с особенной папкой. В ней хранились фото, на которых Медея позировала ню. Я ни на минуту не забывал волнующие изгибы ее тела... Три месяца это очень много! Бумажные фотки, наверное, затерлись бы до дыр, но эти лишь блестели под моим вождедеющим взглядом.

Бегущая строка внизу монитора сообщила, что пришла почта – письмо от Медка. Я обрадовался, мечтая подкрепить виртуальное свидание свежими заверениями в любви. Залпом проглотил ее короткое сообщение:

"Милый Инсар. Я не смогла сохранить чувства к тебе. Я без ума от другого. Сердцу не прикажешь. Не жди меня. Отныне я принадлежу Греции. Прощай и не держи на меня зла".

Что это? Идиотская шутка? Как это, «без ума от другого?» Она не могла так поступить! Сообщение, конечно, в ее стиле – Медок всегда была излишне прямолинейна. Но мозг отказывался воспринимать доходчивость коротких рубленых фраз. Просто, она решила меня разыграть. Я быстро набрал ее номер. Нетерпеливо слушал длинные гудки. Забыла телефон? Не слышала? Не хотела отвечать?

Меня охватила паника. Я отбросил телефон и щелкнул мышкой, закрывая ужасное сообщение. Во весь экран развернулась передо мной картинка с обнаженной Медеей. Неужели какой-то Пизагорас хватает своими граблями ее бедра, владеет всем этим богатством!? Глаза застила малиновая пелена.

Весь день я названивал Медее, но безрезультатно. Ходил из угла в угол, невпопад отвечал на звонки, не слышал коллег, и не мог ни о чем думать. Только о ней и ее странном письме. Никто из сотрудников не выпытывал у меня, что произошло. Страшила заглянул в кабинет, покачал головой и вышел. Оказалось, Медок написала не только мне, но и боссу, и подругам. Со всеми распрощалась, обрубила концы.

Прошла неделя, я перестал звонить Медее. Не сразу заметил, что меня начала обхаживать Булька – ее подруга. На самом деле ее звали Ульяной, Улькой, это Медее придумала собачье прозвище. Она, действительно, напоминала маленькую комнатную бульдожку, коренастую, крепенькую.

Булька стала подкарауливать меня в перерывах или после работы и много-много говорила, поблескивая круглыми предупредительными глазами. Зазывала меня на йогу, то ли спиритическую, то ли феерическую. Девушка объясняла, что я подавлен и напряжен, и что трансцендентальная медитация мне обязательно поможет: развяжет узлы и разгладит сгустки, чтобы энергетический поток не тормозился. И тогда я освобожусь от негативных эмоций и мрачных мыслей.

Наконец, ее навязчивая заботливость стала меня напрягать, я отлично понимал по ее вздохам и взглядам желание непременно помочь мне выпустить застоявшийся поток, гнетущий мое существо. Она была готова стать медиумом для этого потока, проводником к доступному моему счастью, которое я, ослепленный обидой на Медее, не желал замечать.

Булька ничего не делала без позволения Медее. Значит, моя бывшая подруга дала добро. Какое великодушие! Мне даже скулы свело от нового приступа боли.

Закончился промозглый ноябрь, потянулись ничем не примечательные бессолнечные декабрьские дни. Я работал на износ, приходил домой поздно, ужинал и ложился спать. Следил за тем, чтобы на мечты и мысли не оставалось сил.

Одна успешная сделка сменяла другую, и сотрудники "Изумрудного города" рассчитывали получить щедрые премии к Новому году. Народ обсуждал корпоративный праздник, намеченный на конец декабря. Я отказался принимать участие в подготовке конкурсов и на праздник не хотел идти до самого последнего дня. Но неловко было огорчать Страшилу, он собирался ставить меня в пример, как успешного риэлтора, и еще не хотелось, чтобы Булька настроила Медку что-нибудь вроде: "А твой-то бывший так сохнет, даже Новый год не пришел праздновать". Не дождется.

К семи вечера коллеги и приглашенные собрались в Нефритовом зале гостиницы "Аркадия". Столы проседали от разносолов и напитков. Первую часть вечера звучали поздравления и бодрые речи об успехах "Изумрудного города". Страшила – мастер красного словца. Даже скептики прониклись его речью. Потом все вдохновенно спели наш гимн. Выступления сменились «раздачей слонов». Шеф никогда не вручал кубков, статуэток и прочих артефактов за хорошую работу, только конверты с чеками. В конце церемонии благодарные сотрудники, раззадоренные шампанским, окружили босса, и с гиканьем стали подбрасывать в воздух.

После торжественной части началось представление. Приглашенные девицы энергично сплясали канкан. Полуголый фокусник смело предложил дамам разругать на его груди капусту. Выпущенные из его цилиндра голуби разлетелись по ресторану и деликатно присели на обнаженные плечи сотрудниц. Восторженные дамы тут же принялись их кормить. Потом в проходах между столами вдруг появились горящие кольца. Я подумал, что в них будут прыгать тигры, но туда ринулись юные акробатки в блестящих купальниках. Мужчины не выдержали и бросились вслед за девчонками доставать их из огня. Необъятная певица спела густым и сильным голосом: "Красивая и смелая дорогу перешла..." Но никто не поверил. Страшила пригласил ее на танец, и многие сотрудники тоже решили, что пора размять ноги.

Так бодро проходил вечер. Ко мне под села Булька, нарядившаяся в красное платье, обтянувшее ее, как вторая кожа. Густо подведенные глаза казались еще круглее обычного.

– Потанцуй, Инсар! – протянула она томным голосом, решив, что сразила меня наповал своим появлением.

Я почувствовал раздражение. Как раз собирался танцевать, но только не с Булькой. Не знаю почему, но я относился к ней, как к сообщнице Медее.

– Не хочется, Ульяна Мироновна, – отшутился я, хватаясь за вилку, – еще не всех победил на ближнем фронте.

Недовольная Булька ушла, а я направился к барной стойке, у которой обосновался мой приятель Петр. Благодаря Медку все называли его Педро.

– Коньяку? – оживился он. У него были уморительно подвижные брови.

– Давай, – кивнул я. Педро взял со стойки пузатую бутылку армянского, и налил в рюмку благородный напиток.

– Чтоб всегда так жили, – вздохнул он, очерчивая рукой с рюмкой широкий полукруг, как будто благословляя толпу пляшущих и жующих коллег.

Мы выпили. Стало грустно. Я рассеянно смотрел по сторонам.

– А ты, старик, никак вспоминаешь свою Испиланти? – вдруг прервал мои размышления Педро.

Я насторожился.

– Понимаю. Знатная штучка. Но ты не унывай, забудешь. Правильно говорят: "С глаз долой – из сердца вон".

Разговаривать о Медее не хотелось. И утешать себя я не просил.

– Булька, смотрю, не теряется, – разглагольствовал Педро. – Смейся, не смейся, но если она что решила, то не отступит. Хватка у нее цепкая.

Я нахмурился, стоять рядом с ним расхотелось. Может, пойти капустник посмотреть? Все-таки праздник, надо взбодриться.

И тут я заметил за крайним столиком у окна странную девицу. Сколько раз скользил взглядом по тому месту, но не видел ее. Одета в зеленую блузу она сливалась с нефритовой шторой. Девушка читала книгу, отрешившись от окружавшего ее веселья.

– Кто это? – толкнул я Педро, не дослушав его советов.

– Где? Та с книгой? Не знаю. Кто-то привел.

– Это я привел, – раздался позади нас сконфуженный голос.

Мы обернулись и увидели белобрысого лобастого паренька, этакого нафталинового джедая, Энакина, в серебристой водолазке. Его я тоже раньше не встречал.

– Сестра моя, – пояснил Энакин. – Никуда не ходит. Думал, развлечется, с людьми познакомится. А она наелась и опять читает.

Мы прыснули. Парень недовольно замолчал.

– Что же, пойду знакомиться с твоей сестрой, – подмигнул я ему.

Нашел на стойке чистую рюмку, щедро плеснул в нее коньяку и направился к незнакомке.

– Чудак! – бросил мне вслед Педро.

Затылком я чувствовал внимательный взгляд Энакина.

Есть такой фильм про принцессу, которая благоволила к поэтам, художникам и артистам. Она обещала свою любовь тому, кто впечатлит ее больше всех. И вот они изошрялись и приносили ей шедевр за шедевром. Последним пришел рыцарь, растолкал всех прочих поклонников, разбил и поломал шедевры, подхватил принцессу на руки и забрал себе. Это я к тому, что барышни, вздыхающие над стихами, вполне могут прийти в восторг и от грубой силы.

Я обошел стол, за которым она сидела в гордом одиночестве, встал напротив и с пристрастием уставился на нее. Бледная блондинка, одетая безвкусно и неброско, скованная, как молодая учительница. Она сразу заметила, что я на нее смотрю, но продолжала читать, надеясь, что мне это надоест, и я оставлю ее в покое. Но я не уходил. Наконец, она не выдержала и удостоила меня взглядом. В нем была досада и неловкость. Не помню, чтобы женщины когда-либо смотрели на меня, как на помеху.

– Прекрасная Незнакомка! – воскликнул я. – Выпей со мной коньяку.

– Не хочу, – девушка отшатнулась, растерянно оглядываясь по сторонам, как будто бы на вокзале к ней, одинокой путешественнице, пристал пьяный бомж. Но на самом-то деле ее соблазнял преуспевающий риэлтор в расцвете сил!

– Почему, нет?! – возмутился я.

– Не хочу, – повторила она твердо.

– Тебе будет хорошо, – пообещал я.

– Мне и сейчас отлично, – возразила непреклонная читательница.

Не отказывайся, – попросил я. – Хочешь, анекдот расскажу?

Я сел на стул и оказался ближе к ней. Она все еще сжимала в руках спасительную книгу и кривила губы.

– Короткий? – процедила она.

– Исключительно! – заверил я. – Динозавр динозавриху трогает за плечо и говорит: "Угу?" А она отвечает: "Не-а". – Так и вымерли.

– Блеск! – по ее лицу я видел, что она слегка оттаяла.

– Смешной анекдот?

– Смешной.

– Так что, будем целоваться?

– Нет, лучше выпьем.

Мы чокнулись. Она ловко опрокинула рюмку – дольше сопротивлялась. Теперь ей точно будет не до чтения. Я выяснил, что зовут ее Дашей, и что работает она в библиотеке. На мой шуточный вопрос, не снятся ли ей книги по ночам, девушка серьезно ответила, что снятся сказочные истории, в которых она – главное действующее лицо.

Не вдаваясь в подробности, я пригласил ее танцевать. Она отнекивалась, но опять не смогла устоять перед моим обаянием. Танцевать Даша не умела, я старался вести ее аккуратно, но она сбивалась, смущалась, краснела. Ее гладкая блузка на резиновом пояске все время ползла вверх, обнажая под моей рукой спину и бока неловкой партнерши. Устав одергивать на ней блузку и удерживать от неверных шагов, я просто прижал Дашу поближе. Похоже, это был единственный способ танцевать с ней. Я не собирался целоваться с новой знакомой в ресторане, но это вышло само собой. На нас обращали внимание. Мне нравилось, что никто из наших сотрудников не знал Дашу. Думали, что Ульяна Мироновна получит меня по наследству. Не дождутся!

Моя незнакомка, такая непреклонная вначале, стала жаркой, как птица феникс, и позволяла вытворять с ней все что угодно. Я вертел ею в воздухе, наклонял, чуть ли не до самого пола... И она обращалась со мной не по-детски: заползала на меня, как лиана на дерево, и впивалась в губы, как жалящая пчела. Что сказать, танцевали вдохновенно.

В толпе наблюдателей я заметил полыхающее негодованием лицо Энакина. Видимо, он впервые видел свою сестру – библиотекаршу в таком экстазе. Сам же хотел, чтобы она с кем-нибудь познакомилась! Потом я решил, что пора уходить. Поддерживая горячее гуттаперчевое тело, я протолкался к выходу с танцевальной площадки. Мы захватили по пути ее сумочку и побежали в гардероб.

– Ты одна живешь? – спросил я.

– Одна, – раздался голос за моей спиной.

Надо же! Опять братишка.

– Я провожу твою сестру, – сказал я парню.

– А... она... сообщает? – усомнился он.

– Конечно, сообщаю! – быстро среагировала Даша.

– Он тебе нравится? – строго спросил Энакин.

Даша рассмеялась и толкнула его ладошкой.

– Иди, танцуй!

Успокоившийся брат буркнул: "До свидания", – и вернулся в зал.

Даша сказала мне адрес. Она жила недалеко, поэтому мы решили не брать такси, а прогуляться по свежему воздуху. Я надеялся, что уличный морозец подействует на нее отрезвляюще. Но едва мы двинулись по мостовой, как Даша вдруг начала декламировать стихи:

"Я вздрагиваю от холода,
Мне хочется онеметь.
А в небе танцует золото:
Приказывает мне петь!"

– Может, не надо? – попросил я осторожно.

Но Даша не послушалась. У этой миниатюрной барышни оказался на диво зычный голос. Она то и дело сбивалась на свист или крик, пытаясь, видимо, украсить чтение контрастными интонациями.

"Томись, музыкант встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь!"

Прохожие шарахались от нас, я пытался ее урезонить, но она хохотала и призывала меня смотреть на звезды – на «танцующее золото». Похоже, Даша очень долго держала полюбившиеся ей строки в себе, и теперь радовалась возможности выбросить их в мир. Иногда незнакомые люди прикалывались над ней, о чем-то спрашивали. Она же швыряла в них готовыми строчками:

"И с тусклой планеты брошенный,
Подхватывай легкий мяч!"

Репертуар у нее был богатый. Пока мы добрались до дома, у меня голова распухла от интенсивного зомбирования стихами, и я побоялся остаться с ней наедине. Быстро завел даму в подъезд, проводил до квартиры, наказал спать спокойно и убежал. Всю дорогу преследовали меня голоса бессмертных русских поэтов, и даже ночью, какой-то тип присаживался ко мне на кровать и вопрошал гнусаво: "Разве мама любила такого, желто-се-е-е-рого, полуседо-о-о-го..." – Я просыпался и тихо костерил новую знакомую.

Следующий день был выходным. Размышляя о своем вчерашнем приключении, я подумал, что зря не остался ночевать у Даши. Необычная девушка. Ну и что? Зато не скучно провели время. Раскрылся мне человек, а я дал деру, и телефон не попросил. Теперь, может, и разговаривать со мной не захочет, на трезвую голову. Ощущение незавершенности знакомства не давало покоя. Я решил съездить к ней. Вместо цветов купил в магазине дорогой сыр, мясной балык, хлеб и вино и отправился покорять дамское сердце.

Неожиданно легко нашел ее дом, сталинской застройки, старый и убитый. Таких – в центре города осталось мало. Я с опаской поднимался по лестнице, захлавленной чьим-то после-ремонтным мусором. Стены скалились безыскусными посланиями. Не уверенный, что поступаю правильно, я остановился перед ее дверью и позвонил. В глазке мелькнула тень, девушка бесшумно подкралась к двери с той стороны.

– Это Инсар, – бодро представился я. – Не бойся.

Медленно, как будто сомневаясь, Даша открыла дверь и оглядела меня, потом отступила, чтобы я прошел внутрь.

– Ты запомнил, где я живу? – спросила она вместо приветствия.

– Да, как и весь наш волшебный поэтический вечер, – широко улыбнулся я.

Она потупила глаза, спрятав улыбку.

– Не знаю, что на меня нашло.

– Все почившие дарования обрадовались возможности заговорить твоими устами.

– Не надо было пить коньяк.

– Пожалуй. Сегодня я выбрал вино.

– Зачем? Мог бы и так прийти, – засмущалась она, принимая пакет. Она волновалась и боялась взглянуть мне в глаза. Я видел склоненную белую шею в декольте старомодного халата, слишком свободного для ее фигуры. Меня вдруг охватило хищное чувство, я вдохнул носом воздух, как волк, ступивший в логово, где его признали хозяином. Мы прошли в кухню, и дощатые полы отозвались жутким стоном на наши шаги.

– Ух-ты! Поющие полы.

Даша и ухом не повела. Вообще, квартирка меня изумила. Состояние быта я определил бы как послевоенное. В кино такое еще можно увидеть, но в реальной жизни, признаюсь, не ожидал. Ощущение провала в прошлое не проходило, все вещи казались ровесниками моих родителей или даже их родителей. Сюда запросто вписались бы патефон, огромное радио, черно-белый телевизор с линзой.

Мне попадались клиенты, заказывающие дизайнерам оформление офисов или комнат в стиле "ретро", но здесь, вероятно, был другой случай. Детали обстановки нисколько не волновали обитателей этой квартиры, они не старались приукрасить свое окружение и заменить мебель или технику на современную. В награду за постоянство старые вещи служили им верой и правдой. У холодильника, куда я поставил охлаждаться вино, похоже, был вечный двигатель.

– Это квартира твоих родителей, – предположил я. – Почему они здесь не живут?

– Уехали в Краснодарский край, купили дом в деревне.

– А брат?

– Он иногда ночует. Но чаще живет в общежитии с друзьями.

Даша хотела нарезать сыр и балык, но я остановил ее.

– Покажи мне и остальные залы, Царевна.

– Конечно, – согласилась она, – пойдем, посмотришь елку.

Мы проскрипели по коридору и вошли в комнату. Я ахнул. Показалось, что заглянул в сказку: в нежно-лиловом сумеречном свете таяли кружевные снежинки. Я протянул руку, не веря в их реальность. Даша нанизала сотни снежинок на нити и повесила их к гирляндам под потолком.

– Ты сама их сделала? – удивился я.

– Да, из салфеток.

Даша включила свет, и я увидел елку, тоже всю в снежинках.

– Какие тонкие и разные! – восхищался я.

– В детстве я была помешана на снежинках. Придумывала им имена и учила летать. – улыбнулась польщенная Даша.

– Летать? Каким образом?

– Видишь шкаф? Я залезала наверх, отпускала снежинки, следила за их полетом и ставила зачеты. У меня были списки упражнений для них, особенно, для учеников Высшей школы.

– Снежная элита?

– Да, они делились на классы: простые – были не слишком изящными, зато прочными и долговечными, городские – умели выполнять ограниченное количество упражнений, а самые талантливые – учились в балетной школе. Были еще отборные снежинки, которые обитали высоко в горах, в монастыре. Они должны были целиком посвятить себя танцу. Им запрещалось встречаться с другими снежинками.

– Но другие все-таки проникали к прекрасным затворницам? – предположил я.

- Откуда ты знаешь? Да, конечно. Любовная жизнь кипела.
- Потрясающе! У тебя были снежинки-девочки и снежинки-мальчики!
- Тебе смешно?
- Я восхищен. Надо же такое выдумать! Хочу сыграть в твою игру.
- Ты шутишь! Как ты себе это представляешь?
- Залезу с тобой на шкаф!
- Лет пятнадцать никто не залазил на этот шкаф!
- Ну и что? Не сопротивляйся. Наверняка ты не все снежинки развесила.

Идея так взволновала Дашу, что она с минуту не спускала с меня глаз, хотела понять, не разыгрываю ли я ее. Все еще сомневаясь, она достала с полки альбом. Между страниц прятались ее кружевные игрушки.

– Это самые первые, – усмехнулась она, положив раскрытый альбом на диван. – Еще я сниму с елки царевну Риджайну с подругами.

Темный, полированный шкаф расшатать не удалось – кажется, он стоял крепко. Я коснулся его сверху и тут же отдернул руку.

- Что случилось? – спросила Даша.
- Ничего! Пятнадцать лет никто не протирает здесь пыль.
- Постели полотенце, – предложила Даша.

Я повернул золотой ключик, открыл дверцу и взял полотенце с верхней полки. Приготовив стартовую площадку, нашел стул и придвинул к шкафу.

- Выбирай снежинки, которыми будешь играть.

А она подтрунивала надо мной! Я выудил несколько приглянувшихся снежинок из альбома. Бережно водрузил их на шкаф. Даша тоже положила туда свою стопку избранных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.